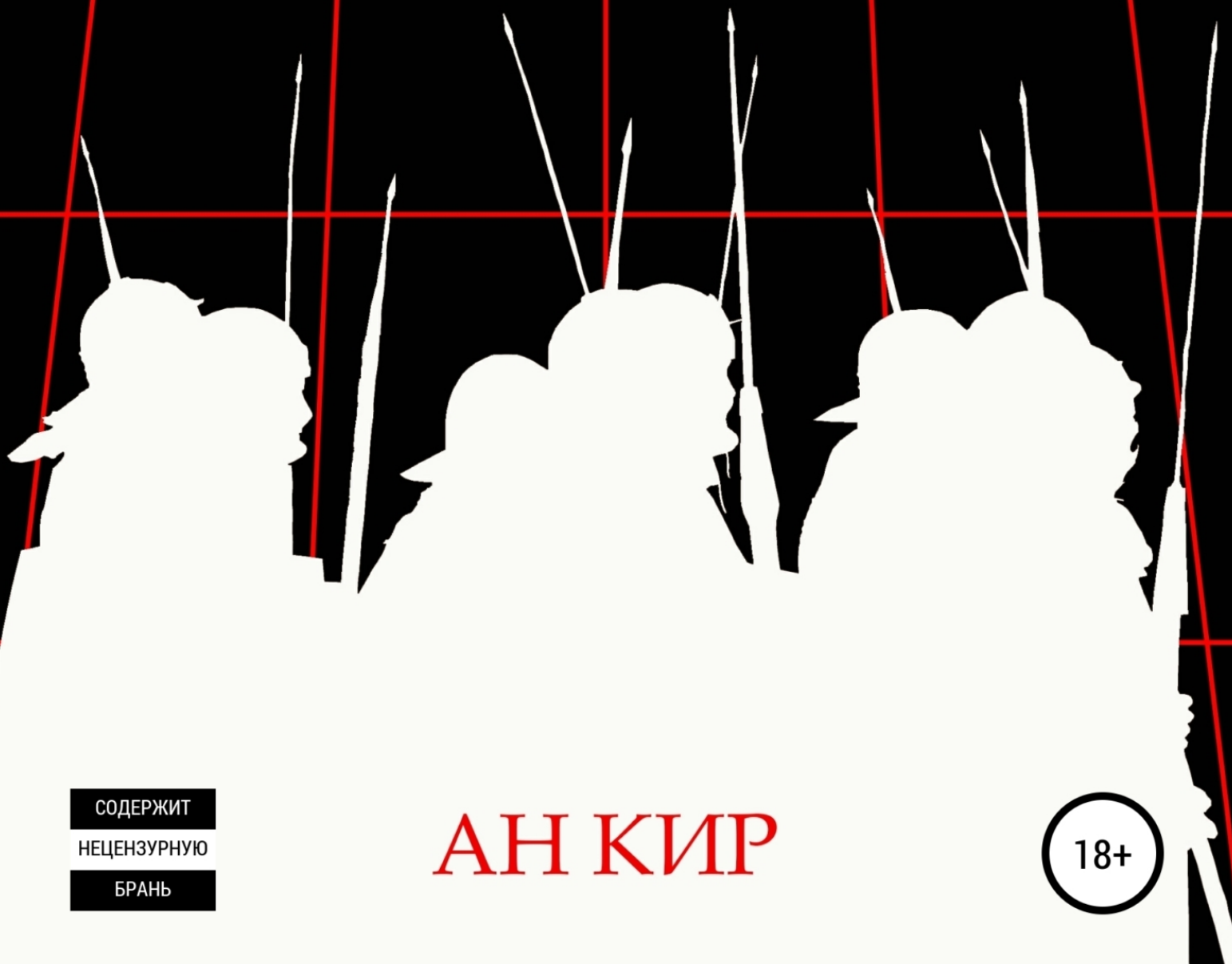

Корпорация «АйДи»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АН КИР

18+

Ан Кир
Корпорация «АйДи»

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кир А.

Корпорация «АйДи» / А. Кир — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Во время обычной поездки в метро медиаспециалист Глеб Вадатурский обращает внимание на странность - стрелки его часов идут в обратную сторону. Вначале он думает, что с его хронометром произошла поломка. Однако перед тем, как выйти на станцию, он замечает, что часы на мониторе вагона также идут вспять. В один момент привычный мир переворачивается с ног на голову. По улицам ходят обнаженные девицы и клерки, скрывающие лица под масками. Римские легионеры по закоулкам и во дворах пытаются каких-то людей. Управляет всеми процессами в мегаполисе корпорация «АйДи», которая специализируется на разработке и продвижении виртуального контента и материальных благ. Задача компании – постоянно концентрировать внимание потребителей на своих продуктах. Отвлечение пресекается всеми возможными способами. Противостоит «АйДи» ЗАО «Генератор света», которое пытается запустить в потребителях процесс осознания...Все персонажи выдуманные. Содержит нецензурную брань.

© Кир А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Ан Кир

Корпорация "АйДи"

То український Кен Кізі
То він написав
Українську над прірвою у житі

Василь Обломіф

Надпись на рекламном плакате, наклеенном на доске объявлений у одесского Оперного театра, с изображением российского певца, позиционирующего себя как протестного, преследующая две маркетинговые цели – популяризировать, точнее не дать угаснуть великому русскому языку на юге Украины, а также распространить билеты на концерт исполнителя среди местных эмо. Да, есть еще третья маркетинговая цель, о которой не говорят, но подразумевают при продвижении любого товара, услуги или контента – предотвратить встречу человека с Богом.

Пост с фотографией и подписью блогера с ником Вашишта на Fbook (группа Адесский RP)

Час пик

Я ехал на работу в вагоне поезда метро, когда случайно обратил внимание на одну странность: стрелки моих часов двигались в обратном направлении. Первое, о чем я тогда почему-то подумал: раз стрелки идут в обратную сторону, значит, я должен ехать не на работу, а назад домой. Сомнительная, конечно, логика. И тогда я вспомнил о персонаже

Фрэнсиса Скотта Фицджеральда Бенджамине Баттоне, который проживал жизнь задом наперед – появившись на свет глубоким стариком, он с каждым прожитым днем становился все моложе. По аналогии шедшее вспять время должно было сказываться на моем возрасте. Значит, я тоже должен был молодеть. С другой стороны, господин Баттон разглаживал свои морщины в условиях обычного течения времени. И тут до меня дошло: часы поломались. Однако я тут же наткнулся на противоречие: как они могут быть сломаны, если стрелки идут четко, отмеряя каждую секунду и вовремя переключая минуты, хоть и в обратном направлении. Я какое-то время пристально следил за циферблатом, и мысленно просчитывал каждое движение секундной стрелки. Погрешности точно не было. При этом я все же постучал по защищавшему циферблат стеклышку, как это делают ничего не понимающие в часовых механизмах люди, таким нехитрым способом надеясь починить сложное устройство. Чуда не свершилось. Часы по-прежнему шли неправильно. Я так сильно погрузился в размышление об этой странности, что когда раздался металлический голос диктора, объявивший мою станцию, я еще какое-то время не решался выйти из вагона. А потом, резко всполошился – будто спящего человека в воду бросили, при чем в очень холодную, стал энергично пробираться к выходу, расталкивая сонных пассажиров. Буквально за секунду, или даже долю секунды – перед тем как выйти из вагона, я кинул свой взгляд на подвешенный к потолку монитор, по которому во время движения поезда транслировалась реклама, а перед остановкой – название конкретной станции метрополитена и время. От увиденного на экране у меня даже кольнуло в виске. Часы, расположенные в правом нижнем углу монитора, переключились с 9 часов 53 минут на 9 часов 52 минуты.

– Что за черт, – подумал я уже на перроне станции метрополитена, но тут же наткнулся на другую странность. Кроме меня на платформе не было ни одной живой души. За все мои годы жизни я никогда такого не видел – чтобы станция «Золотые ворота» пустовала, тем более, в час пик. Я сглотнул от недоумения, вышел на середину перрона и осмотрелся. Никого. Поезда метро в тоннеле также не оказалось. Когда он уехал, я не понимал.

– Эй, есть кто живой? – зачем-то крикнул я словно среднестатистический американец из низкопробного голливудского фильма ужаса, оказавшийся в подобной ситуации. Но в ответ широкие коридоры подземелья лишь эхом разнесли мой голос.

В голове возникала невнятная каша из предположений и размышлений о происходящем, от чего мне стало еще беспокойней и страшнее. Я решил как-то отвлечься, и быстро пошел к эскалатору, успокаивая себя, что все это чрезвычайно реальный сон.

– Но, если это сон, – наткнулся я на спасительную мысль, – значит надо себя ущипнуть, чтобы проснуться.

С этими словами я, немного не рассчитав силу, вонзил пальцами правой руки в левое предплечье, и тут же вскрикнул от боли: – Ай, черт. Последнее слово долгим эхом пролетело по залу, угасая с каждым повтором: черт, черт, черт. Но от щипка ничего не изменилось. Я по-прежнему стоял посреди пустой платформы метрополитена в компании стен, арок и люстр. Тогда страх проник в мое сознание еще глубже, и я с бешеной скоростью рванул к неработающему эскалатору. На одном дыхании мне удалось преодолеть чуть больше половины дистанции. А затем, вероятно, адреналин, давший сил в момент нервного напряжения, стал таять в крови, и я сбавил темп. Оставшаяся часть подъема далась мне с трудом. На последних метрах я едва перебирал ногами, пытаюсь совладать с отдышкой, прокачивая спертый воздух подземки хрипящими легкими. Когда, наконец, ступеньки закончились, и я вышел с эскалатора, меня ожидал очередной неприятный сюрприз. Вместо промежуточного зала перед вторым эскалатором станции «Золотые ворота» я оказался все на том же перроне, с которого так спешил сбежать. При чем, когда я обернулся, чтобы посмотреть, куда ведет эскалатор, оказалось, что он вел туда, куда я так стремился попасть – вверх. Получалось, что весь мой трудный путь был напрасным, как у Сизифа. Бежал ли я вообще. Мистика? Ирреальность? Плод воспаленного мозга? Неужели я стоял на месте, а мой ум создавал иллюзию движения в пространстве. Скажем, как при воздействии на мозг определенных психотропных препаратов. Но поверить в это было нельзя, точнее невозможно. Я вспотел, устал и все еще сопел из-за отдышки. Повернув голову в сторону, я увидел пустой туннель.

– Возьми себя в руки, – обратился я к себе, – да, это странное место. Да, неприятная ситуация. Но пока с тобой ничего дурного не происходит, кроме страха. А страх – это всего лишь состояние сознания, точнее ума, или разума, а значит, его можно контролировать. Надо собраться с духом и пытаться разобраться в происходящем.

Удивительно, но почему-то я задумался над этой довольно таки заурядной фразой – собраться с духом. Согласно этому выражению получалось, что во мне есть некий дух, который не является мной, раз мне надо с ним собраться в единое целое, чтобы победить страх. Страх, кстати также был частью меня. Но если страх можно было считать порождением моего ума, или сознания, то дух, было понятно, являлся как минимум равнозначной уму, то есть мне, фигуре, или структуре. Не знаю, как сказать правильно. С другой стороны, как во мне

могло быть то, что не является мной. Почему эти мысли пришли мне тогда в голову, я понял немного погодя. Просто других мыслей при первой встрече с собой быть не может. Но об этом чуть позже. В тот момент эти размышления помогли мне переключиться и расслабиться. Глубоко вздохнув, я по-турецки сел на холодный пол и закрыл глаза. Прodelав упражнения дыхательной гимнастики, я снова открыл глаза и встал. Теперь мне было относительно спокойно и почти не страшно. Ну, или по крайней мере мне так казалось. Страх никуда не делся, но он как бы спустился на другой уровень моего восприятия, с которого ему было гораздо сложнее влиять на ум. Я огляделся по сторонам.

– Если эскалатор ведет обратно на станцию «Золотые ворота», не исключено, что переход на станцию «Театральная» также выведет меня сюда, – стал размышлять я, – конечно, проверить надо, но если это окажется так, что тогда?

Но что делать тогда, я понятия не имел. Посмотрев на часы, я увидел, что прошло 15 минут с того момента, как я вышел из поезда. В этот раз странности, что часы по-прежнему идут против часовой стрелки, я не предал ни малейшего значения. Даже не задумался. Просто в моей памяти отчетливо выбились цифры с угла монитора 9.52, а сейчас на моих часах было 9.37. Что-то мне подсказывало, что мой хронометр и часы в поезде метро были настроены синхронно, то есть не отставали и не спешили друг от друга ни на секунду. И внезапно меня словно осенило: – за 15 минут на станцию не пришло ни одного поезда. Такого тоже никогда не бывало в час пик. Обычно в это время поезда ходят с интервалом в несколько минут, а то и еще меньше.

– Надо немного подождать, и если окажется, что поезда действительно не ходят, можно будет попробовать пойти в один из туннелей, – смекнул я.

План, хотя это слишком громкое слово для действий, которые я хотел предпринять, был готов, и я решил незамедлительно приступить к его реализации. Вначале надо было проверить переход на станцию «Театральная», а в случае неудачи, исследовать четыре туннеля на станции «Золотые ворота». Дальше я пока не планировал, поскольку в этом не было никакого смысла. На пути к переходу, наверное, из-за арок или цвета стен, а может просто потому, что я находился в метрополитене, мне вспомнилась то ли вторая, то ли третья часть фильма «Матрица» с Киану Ризвом. Его герой – Нео также оказался заложником подземки – станция метрополитена оказалась некой буферной зоной, островком между миром людей и миром программ. Тогда я подумал, может, и я, как Нео, нахожусь между двумя мирами. Но что тогда в моем случае вместо мира программ? Подойдя к переходу на станцию «Театральная», я посмотрел в проход, глубоко вздохнул, перекрестился, и было собрался сделать первый шаг к восхождению, подняв правую ногу, как почувствовал прикосновение. Кто-то положил мне на плече руку. Я сглотнул, и опустил ногу на пол. В голове моей сквозной пулей пролетела мысль по поводу того, кто мог стоять за моей спиной – такой же заблудившийся в подземке человек или какое-то невообразимое существо или вообще не существо, а что-то непостижимое простому человеческому разуму. Сглотнув слюну еще раз, я стал медленно поворачивать голову к неизвестности. Уловив боковым зрением человека, а не что-то ужасное, я с облегчением выдохнул. Хотя, надо отдать должное, выглядел этот человек весьма странно. Он был одет в старый советский спортивный костюм темно-синего цвета с эмблемой «Динамо» на груди, белые кроссовки adidas с синими полосками на боковинах (той модели, которую по лицензии производили в СССР) и голубой берет десантника с кокардой в виде советской звезды, обрамленной золотым венком. Но самым странным было то, что лицо незнакомца закрывала позолоченная маска с прорезанными отверстиями для глаз и рта. При чем рот был сделан в виде широко растянув-

шейся улыбки. Весь его вид был словно привет из моего детства, когда подобные вещи я встречал довольно часто, правда, не одновременно. Берет десантника явно не сочетался со спортивным костюмом и золотой маской. Хотя, если хорошенько подумать, то подобный наряд мог быть вполне логичен и даже гармоничен в условиях боевых действий в карнавальной Венеции. Несложно ведь представить, как изрядно выпившие советские солдаты во время затишья между перестрелками решили переодеться в домашнее и в качестве развлечения примерять разбросанные по разбомбленному городу карнавальные принадлежности. Другой вариант – столкновения радикальных националистов-гетеросексуалов, когда-то отдавших долг Родине в войсках, с представителями сексуальных меньшинств или правоохранительных органов, в чем, впрочем, нет никакого противоречия. Ветераны могли надеть золотые маски, отобранные у геев во время их жалкой попытки пройти по центру столицы, например, для сокрытия лиц от поборников традиционных ценностей. Иначе объяснить причину такого гардероба я не мог. Понимая абсурдность своего предположения, я продолжил размышлять предметнее. Берет и спортивный костюм – это, конечно, пошло, но для некоторого контингента граждан вполне возможно. Например, в тот же день ВДВ на ВДНХ. Другое дело маска. Она была здесь ни к черту. Такие маски, или подобные им, обычно висели у советских людей на стенах, и были не золотыми, а пластиковыми или деревянными. В случае с маской на незнакомце, я был уверен, возможно, из-за блеска или ощущение тяжести, что она была из чистого золота, ну, из позолоченного металла точно. Использовать такую в качестве защиты, в принципе, было можно, но не практично. Маска была довольно крупная, сильно ограничивала обзор из-за небольших прорезей глаз, но главное, что человеку приходилось держать ее при помощи прикрепленной к подбородку рукоятки вроде длинной указки, которая заканчивалась наконечником в виде перевернутой головы то ли мопса, то ли макаки, то ли просто скомканного шарика. Это было не совсем удобно во время драки. Ну, хотя бы потому, что одна рука выпадала из арсенала бойца. И тут совершенно случайно в голове проскользнула мыслишка – где-то я читал, что подобные маски использовали в своих ритуалах представители некоторых эзотерических культов. Каких именно, я не помнил.

– А что, если это религиозный фанатик, возможно, масон во время посвящения в какой-то там градус, зороастриец или каббалист, – думал я.

Пока я размышлял, человек стоял неподвижно. Только голова его слегка то приподнималась, то опускалась, словно сканируя меня. Пауза переходила в разряд неловкости, и я решил прервать ее.

– Здравствуйте, – собираясь с мыслями, сказал я, и зачем-то кивнул головой.

В это время человек вытащил из-за спины левую руку, в которой оказались еще какие-то маски на рукоятках. Практически молниеносно сменив улыбающееся лицо на маску с печальным, или даже злым выражением, он грозным и величественным голосом произнес: – Ты уже диверсифицировал свои риски вложением в «голубые фишки», золото и иены, став клиентом нескольких инвестиционных фондов?

Я почему-то вспомнил, что таким тоном говорил Бог в импортных библейских мультфильмах, которые зачем-то стали показывать во времена моего детства – начале 90-х годов прошлого века взамен «Ну, погоди!». Впрочем, зачем – мне стало понятно после перехода к товарно-денежным отношениям и активного внедрения либерально-толерантных ценностей на просторах рассыпавшейся страны. Но в отличие от слов мультипликационного Бога, смысл сказанной чудачком фразы был для меня понятен.

– Отвечай же, – с пафосом продолжил незнакомец, вскинув вытянутый палец свободной руки вверх.

– Простите, я не совсем понял вопрос, – зачем-то соврал я. С другой стороны, что мне надо было ему процитировать зашмыганный штамп среднестатистического аналитика, или заявить не меньшую глупость, точнее вульгарность – что следует обходить стороной проходимцев с накрахмаленными воротничками и засаленными волосами. Не в том смысле, что стороной обходить, это как раз понятно. Мерзко вообще знать, кто такие аналитики инвестиционных компаний, портфельные инвесторы и прочие чернотечки – соответственно – их рекомендации и советы.

Незнакомец поменял маску на предыдущую – с улыбкой, и громко рассмеялся.

– Я знал, Вадатурский, что ты, как финансовый журналист, слабоват – сказал он, сбавляя неприятное хихиканье.

– Я вообще-то специализируюсь на энергетическом рынке, – с какой-то неловкостью, словно оправдываясь, ответил я.

В ответ на это человек сменил маску на другую – с прорезанным ровной полоской ртом, которая, видимо, означала безразличие или обыденность.

Я заколебался. Дело в том, что в тот миг, когда незнакомец менял маску последний раз, я на мгновение уловил черты его лица. Что-то будто кольнуло меня в висок, и секунду-другую, как бы перебирая страницы книги своей памяти, я искал ответ на возникший, но еще не осознанный вопрос – Так кто ж ты... И вдруг меня словно осенило: – Степан. Степан Гаврик из «Коммерсанта».

Услышав мои слова, человека с маской безразличия на лице застыл, словно его облили жидким азотом, как робота T1000 из второго терминатора. Казалось, что он даже не дышит. Я смотрел на него, он смотрел на меня и молчал. Я потянул к нему руку, но он сделал шаг назад. Рука его стала понемногу трястись, а спустя секунду эту вибрацию догнал нарастающий истерический смех.

– Вот, подонок. Разглядел. Как говорили наши предки: ай да сукин сын, – сказал он грубо, фамильярно, к тому же противно гогоча.

– У меня просто хорошая память на лица, – ответил я со всей серьезностью, пытаюсь сбить его неприятную манеру.

– Не, не, не, не, – убирая маску от лица, тараторил Гаврик, махая передо мной вытянутым пальцем, – явно с гэбухой работал. Вот такие нам люди нужны, чтобы краем глаза взглянул, и знал кто, что и когда. А то уже сил нет с уродами этими бороться. То мурал с изображением котов в сапогах на шпильках, трахающих собак с усами и чубами запустят, то вирусный трек про комитет матерей дауншифтеров в исполнении двух пролетариев запишут, а то и вовсе хакерской атакой Fbook накроют. Знала, умница, кого вытаскивать надо, знала.

Я лишь с недоумением анализировал поток несвязных и непонятных фраз. При чем безрезультатно.

– Ладно, пошли. Дел невпроворот, – сказал Степан и пошел к эскалатору, на который я недавно взбегал. Я хотел возразить, мол, там какая-то чертовщина с этим подъемником. Но что-то, вероятно, называемое внутренним голосом, убедило меня не делать этого.

– Степан, – обратился я, послушно шагая в след, – а что...

Но он перебил меня, не оборачиваясь: – Понимаешь, Глеб. Как бы тебе сказать. О чем ты меня спросить хочешь, я знаю. Сам подобными вопросами когда-то задавался. Но так сходу и не объяснишь. Тут постепенно надо. В общем, пока скажу так – у воды есть три состояния – жидкое, газообразное и твердое. По законам природы, одновременно находиться в этих состояниях вода не может. У людей что-то подобное. Однако это возможно. На самом деле – часы, идущие в обратном направлении, эскалатор, ведущий в точку начала подъема, отсутствие людей в час пик в подземке и все остальное прочее – это переход или портал, как в известном слогане adidas, из невозможного в возможное.

Я задумался над сказанным.

– Ладно, не бери в голову, – как бы предугадав мое замешательство, сказал Гаврик, – не все сразу. Москва не сразу строилась, а вот развалится быстро. После этого он опять неприятно загоготал, после чего добавил: – Я, если честно, сам далеко не во всем разобрался.

В этот момент мы подошли к эскалатору.

– Ладно, – продолжил он, – будем спускаться. С этими словами Степан вынул из кармана что-то вроде черного портмоне или визитницы и приставил ее к выемке справа от ручного резинового ремня эскалатора.

За спиной я услышал тихое сопение, и резко повернулся. В нескольких метрах от эскалатора появилась кабинка с мониторами, в которой в форме сотрудника метрополитена, правда, сильно изношенной и потертой, сидел мрачный худой старик с впавшими щеками и необычайного серого цвета глазами. На рукаве его пиджака я рассмотрел символ, который состоял из трех предметов: якоря в центре, христианского креста с левой стороны и морского трезубца с правой. Сверху две буквы – русская П и латинская N. В руках человек держал длинный шест с широкой лопастью на одном конце. Клянусь, еще секунду назад там не было никаких кабинок.

– Мелочь есть? – спросил у меня Степан.

Я вынул из кармана джинсов кошелек и раскрыл отделение с мелочью.

– Давай все, – сказал Гаврик, и я высыпал ему в руку все имеющиеся монеты.

Степан просунул в проем в кабинке мелочь, старик внимательно посмотрел на монеты, затем на меня, и с неохотой нажал на какую-то кнопку. Механизм издал негромкий лягающий звук, и ступеньки понеслись вверх. Я хотел было спросить, почему Гаврик сказал, что мы будем спускаться, если мы на самом деле едем вверх, но снова решил промолчать. Всю дорогу мы ехали молча, но, когда ступеньки в конце подъема стали выравниваться, раздался

громкий оглушающий звук, будто кто-то дунул в гудок паровоза, или скорее огромного теплохода, и эскалатор неожиданно остановился. Меня по инерции понесло вперед, и я ударил головой Гаврика в спину. От этого удара он подался вперед и встал на одно колено, хотя толчок был довольно легким. Я схватил его за плечи и попытался помочь подняться, но Гаврик, точнее его тело, противилось. Я прибавил рукам силы, однако Степан не поддался и в этот раз. И тут боковым зрением я заметил стоящие в нескольких шагах от нас фигуры. Кинув на них взор, я в очередной раз за сегодня испытал хорошо знакомое чувство негодования – будто меня ударило током. Передо мной стоял крупный белый козел с нереально огромными рогами, укутанный в шотландский плед, или что-то похожее, и смотрел на меня взглядом настолько прямым, пронизательным, суровым и одновременно презрительным, что от неловкости, или скорее от страха я опустил голову. Возле козла, как я успел заметить перед психологическим поражением, нечетко различался парень в странной фиолетово-металлической военной форме и медном шлеме, державший огромную закрученную трубу, которая, вероятно, и издала ужасный звук, одновременно с которым остановился эскалатор.

– Все сгорит в огне потребления, – неожиданно выкрикнул Гаврик, вздымая вверх зажатую в кулаке правую руку.

Козел радостно заблеял. Степан повернул ко мне голову, и, заметив, что я стою, побагровел. – Быстро становись на колено и повторяй за мной, – сказал он, и вывернутой рукой с силой дернул меня за штанину. От этого движения я фактически упал на металлические ступеньки эскалатора, больно ударив чашечку. Не распластался я на лестнице лишь потому, что уперся плечом в боковую стенку подъемника.

– Повтори то, что я сказал – все сгорит в огне потребления, – прохрипел Степан.

– Все сгорит в огне потребления, – протараторил я, и также как Степан вздернул руку вверх.

Козел вновь удовлетворенно заблеял. После этого Степан встал, и взмахом руки призвал сделать так же. Какое-то время он стоял молча, смотря козлу в глаза, а потом тихо сказал мне: – Глеб, он приказывает, чтобы ты подошел к нему.

– К кому – козлу? – с опаской, предчувствуя ответ, спросил я.

– Не к..., – скрипя зубами, прошипел Гаврик, пропуская меня вперед, – а к Уильяму, Уильяму Виндзору.

Я с плохо скрываемой неохотой поплелся к козлу, точнее Уильяму Виндзору. Помня его взгляд, я старался не смотреть перед собой. Наконец, увидев его копыта, которые, к слову, были начищены не хуже, чем 100 лет тому назад туфли у расторопного чекиста после рейда на Кузнецкий рынок. Почему-то именно эта ассоциация возникла у меня в голове в тот момент. Козел опять заблеял своим мерзким голосом.

– Дать бы тебе коленом под зад, – подумал я, чувствуя, как животное изучало меня своими полосками-зрачками.

В этот миг время казалось бесконечным, а пространство безграничным. Я чувствовал, как по моему позвоночнику ползет капля пота, а где-то внутри, возможно, в глубине души мед-

ленно-медленно скребет невообразимый ужас. Неожиданно козел дернулся и встал на задние лапы. От резкого движения я выпрямился и посмотрел на него. Его глаза были почти на уровне моих, к тому же вблизи казались еще страшнее. Козел стоял неподвижно и внимательно изучал меня, пытаясь что-то разглядеть в моих глазах. А может, он хотел заглянуть внутрь меня. Как говорят, добраться до души. Я хотел опустить голову, но не мог. Не скажу, что козел управлял мной, гипнотизировал. Такое бывает и в повседневной жизни – отчитывает тебе своенравный начальник за пробелы в работе, а ты молча стоишь и с виноватым видом внимаешь претензии, думая о высокой зарплате, которую получишь на следующей неделе. Правда, в случае с редактором ты только изображаешь сожаление. Здесь же я испытывал подлинные чувства. Не знаю, сколько мы так стояли, время как бы перестало существовать в привычном смысле, но в какой-то момент козел слегка пошатнулся, и в следующий миг со всего размаху обрушил мне прямо в лоб свои мощные рога. Вспышка света вспыхнула у меня в голове, и я ощутил, что падаю на землю. Удара о бетонный пол я не почувствовал. Да и упал ли я вообще, сказать сложно. При этом я оставался в сознании, но как-то по-другому ощущал окружающий мир, да и себя самого. Мне казалось, что все залитое светом пространство это я сам, и я могу все, но ничего не хочу. Затем свет стал как бы сворачиваться в себя и, в конце концов, превратился в точку в темноте – отпечаток луча на стене в темной комнате. И светил это кружечек так, что от него хотелось оторвать взгляд. А потом все исчезло, и я вместе со всем.

Частица Бога

Меня разбудил сигнал будильника. Хотя, сказать разбудил, будет не совсем верно. Состояние, в котором я пребывал, было довольно странным – походившим на сон только отчасти. Я был в сознании, при этом потока мыслей или других процессов в моей голове не происходило. Подобные ощущения я переживал при чрезмерном алкогольном опьянении, лучше даже сказать отравлении. Бывало, навалишься с коллегами после работы крымского портвейна с крепленным пивом, придешь домой, упадешь на кровать, закроешь глаза, отключишь мозг, но не спишь. Что-то похожее происходило со мной и теперь. С трудом открыв левый глаз, я осмотрелся. Шкаф, люстра, стол, гитара. Я был дома. Довольно странно, но о вчерашнем происшествии в тот момент я не помнил. Но только сев на кровать, предо мной вполне реально проплыли козлиные глаза Уильяма Виндзора – будто эффект в 3-д кинотеатре. Меня аж передернуло. Сердце мое забилось учащенно. С резким подъемом козлиные глаза испарились как мираж, но ощущение реальности этого видения слабей не стало. Я внимательно осмотрелся по сторонам, но ничего необычного не заметил.

– Привидится же такое, – сказал я, еще раз передернув всем телом.

По пути в ванную я попытался вспомнить вчерашний день, но кроме происшествия в метрополитене, точнее кошмарного сна, в чем теперь я был уверен на все 100%, в голову ничего не приходило. Ударив рукой по выключателю, я зашел в ванную, посмотрел на свое отражение в зеркале и испуганно отшатнулся. На меня смотрело бледное, слегка заросшее лицо с огромным бордово-синим кровоподтеком на лбу. От изумления я даже крикнул. И ровно в этот момент мой карман завибрировал (только сейчас я заметил, что был в джинсах), а в следующую секунду заиграла песня Гражданской обороны в исполнении Чижика «ходит дурачок по небу». Я вытащил телефон из кармана и посмотрел на экран. Номер был неизвестным, но цифры красноречиво говорили о звонившем – +13 666 666 13 13. Какое-то время я смотрел на телефон и судорожно пытался найти в своем центре принятия решений ответ на великий русский вопрос – что делать? Игнорировать звонок нельзя, это было понятно, как аксиома, даже более понятно. Но снимать телефон уж больно не хотелось.

– Да? – прошептал я в микрофон аппарата, наконец, приняв волевое решение ответить на звонок.

По ту сторону трубки молчали, но я отчетливо слышал какое-то нервное дыхание. Затем раздалось знакомое неприятное хихиканье.

– Здорова, – наконец, весело сказал Гаврик, – Как голова?

– Значит не сон, – расстроился я, и после продолжительной паузы произнес – терпимо.

– Не переживай, Уильям, конечно, начальник суровый, но справедливый. К тому же по лбу от него получить – это все равно, что орден на грудь повесить. Понравился ты ему, черт-тебя. Далеко не каждому нашему сотруднику такое внимание оказывают. Так что не думай, что как-то нехорошо с тобой поступили. У нас тут несколько иные порядки. Ну, да ладно. Все со временем. А пока собирайся, работа не ждет.

– Какая работа? – прожевал я в трубку.

– Уильям берет тебя в один из ключевых отделов корпорации, – продолжил Степан.

– Послушай, Степан, я ничего не понимаю. Что вообще происходит? – негодовал я.

– Мойся, одевайся, и выходи. Есть не надо – поедем в ресторан. Там и введу тебя в курс дела. С этими словами Гаврик повесил трубку.

Конечно, вопросов у меня было масса. Но задавать их по телефону было бессмысленно. Практически ежедневно сталкиваясь со всякого рода моральными уродами высших рангов, увы, издержки профессии, я давно усвоил одну истину, правду-матку можно разглядеть только в глазах, хотя бывают и непроглядные подонки. Поэтому, засунув телефон обратно в карман, я принялся умываться, попутно думая о Степане Гаврике. Мой старый «друг» работал в украинском филиале «Коммерсанта», наверное, практически со дня открытия офиса в Киеве. Познакомился я с ним во время одного мероприятия, кажется, презентации 20-летней стратегии развития одной нефтегазовой компании, принадлежащей бывшему бандиту из Донецка. Хотя, вопрос – бывают ли бандиты бывшими, в наши дни относятся к разряду волонтаристских. За большим, примерно пятиметровым прямоугольным столом сидела троица высшего менеджмента компании, поочередно рассказывая, как в ближней и дальней перспективе будет прекрасно развиваться газовая отрасль страны в целом, и их компания в частности. Гаврик с улыбкой слушал их, периодически отправляя себе в рот блины с красной икрой и вычурные конструкции из лосося, сыра, креветок и оливок, скрепленные деревянными зубочистками. Когда презентация закончилась я со сдвинутыми бровями вышел на балкон, чтобы перекурить. Меня давно воротило от подобных мероприятий, но игнорировать их возможности не было. Тогда я еще надеялся, что только пока. Вслед за мной вышел и Степан. Протянув руку, он представился. Я ответил ему рукопожатием, и мы разговорились о работе, газовом бизнесе и компании бывшего донецкого воротилы.

– Ты знаешь, когда компании начинают активно презентовать стратегии развития? – спросил он у меня, и, не дожидаясь ответа, продолжил, хихикая – когда в этот момент про-

исходит покупка у государства перспективного актива за символическую по меркам реальной стоимости лота благодарностью продавцу.

– Тем более, когда запасы углеводородов этого актива позволят компании как минимум будущие 20 лет не думать про объемы добычи, – добавил я, показывая свое понимание происходящих на рынке событий.

Вообще Гаврик был очень осведомленным журналистом. По количеству подтвержденных инсайдов он, пожалуй, входил в тройку лучших на рынке. И как выяснилось чуть позже, карьерный рост и брэндирование имени ему обеспечивало, скажем так, умение правильно пристроить пятую точку. Узнал я об этом совершенно случайно. После очередной пресс-конференции я вышел из гостиницы, где проходило мероприятие, и по пути к метро решил набрать выпускающего редактора. Но телефона ни в карманах, ни в сумке не оказалось. Я вспомнил, что перед конференцией положил мобильник на стол возле тарелки, на которой в виде фантастического цветка были выложены тонкие как бумага кусочки хамона, и спешно пошел обратно. В помещении, на первый взгляд, никого не было, но только я сделал несколько шагов, как увидел в конце зала темную фигуру. Присмотревшись, я разглядел довольно крупного мужчину, который был без трусов и словно в конвульсиях двигался взад и вперед, интенсивно дыша и сопя. А потом я услышал сбивающийся голос Гаврика: – Сте пан И ва но вич, точ но Най ман ста нет пред се да те лем со ве та ди рек то ров гос кор по ра ции «Газ им порт сбыт».

– Точно, точно, – отвечал на выдохе грубый мужской голос.

Я на цыпочках подошел к столу, за которым сидел, взял свой телефон и тихо вышел из зала. Тогда я подумал, что в условиях целенаправленной евроинтеграции бывшей социалистической республики толкатели говна в обратном направлении являются некими маркерами – пионерами перемен, которые вскоре ожидают всю страну, которую международные финансовые институты и старшие товарищи брюссельского кольца уверенно ставят в нужную позу. А поскольку в органах власти и бизнесе таких евроинтеграторов становится все больше, наклон этот будет происходить все быстрее, а проникновение все глубже. Безусловно, я был не многим лучше Степана. Журналистика для меня, как и для него, не была ни призванием, ни гражданской позицией, ни даже крестом, который выпало нести по жизни. Просто Гаврик перешел ту грань, которая для меня была недопустима ввиду рабоче-духовного воспитания, даже с учетом невообразимых возможностей и доходов, которые давал такой подход к делу. За почти 10 лет в журналистике я перестал верить в созидательный эффект СМИ, в их пользу. Даже наоборот. Мое отношение к профессии стало скорее бездушным – это всего лишь способ заработка, как у кассира, забойщика скота или любого другого клерка. Хотя, наверное, даже хуже, поскольку ни кассир, ни забойщик не испражняется в головы своих клиентов. Честно говоря, журналистов, верящих в профессию, и исповедующих эту веру искренне, наверное, нет вовсе. А если и есть, то это наивные глупцы, чей интеллект просто еще не переварил бульон реального положения дел. Но я таких не встречал, за исключением пары отъявленных лицемеров и негодяев. Конечно, всплески обиды за державу периодически случаются у всех. Но это такая форма бичевания, которая необходима для продолжения деятельности: когда тонешь в собственном говне, надо иногда делать рывок, чтобы не захлебнуться. Например, некоторые забойщики скота, оправдывая убийство коров, держат дома очень много животных, которых обхаживают, как королей. А многие журналисты, преимущественно под псевдонимами, ведут блоги, телеграм-каналы и пишут статьи о коррупции, чиновничьем беспределе, безнаказанности власть имущих и срывании рабских оков. Можно слукавить и оправдаться, что, мол, жизнь такая. Что вбиваемые со школьной парты и дальше по жизни лозунги о свободе и справедливости, сложно

воспринимать всерьез, поскольку часто призывающие к совести, патриотизму и порядочности люди в реальности исповедуют совершенно противоположные ценности. Поэтому сопоставляя слова с делами возникает какое-то извращенное понимание реальности. Как говорил мой декан во время лекции о журналистской этике – не у каждого есть *Maybach*, но каждый готов в него сесть при малейшей возможности. Но скажем откровенно, мы идем по жизни как навозные жуки, бездумно и отрешенно катим впереди себя свой говняный шар, и с каждым шагом он все больше и тяжелее. Заложенные в нас во времена ненавистной империи понятия долга, доброты, справедливости, силы закона с каждой прожитой секундой и приобретенным жизненным опытом замазываются новым слоем дерьма – другими абстрактными понятиями, которые современные теоретики объединили в один семантический узел – потребительский гламур. Об этом еще что-то Островский писал, как темный гламур поглощает светлый романтизм. Телефон стал вибрировать и гнусавый голос под ужасный звук гитары запел – ходит дурачок по небу, ищет дурачок глупее себя. Я снял трубку.

– Я под подъездом, выходи, – раздался знакомый лисий голос Гаврика, в этот раз звучавший с деловитой ноткой.

Я надел кроссовки, схватил куртку и вышел из квартиры. Еще в подъезде меня охватило странное ощущение, что я нахожусь в каком-то чужом месте, а не в своем родном парадном. С виду все было будто как всегда. Но сейчас почему-то в глаза бросались обшарпанные, исписанные стены, покореженные перила, разбитые в рамах стекла. От мусоропровода не то, чтобы воняло – истошный запах затруднял дыхание. Пол был залит водой, а от сырости и холода костенели пальцы рук, меня стала пробирать дрожь. Открыв двери подъезда и увидев, что за ними, мне захотелось со всего духу рвануть обратно в квартиру и завалить вход шкафом, стульями, в общем всей находящейся в квартире мебели. Прямо напротив подъезда стоял огромный роста человек в стальных пластинчатых латах поверх красной туники и шлеме с поперечным гребнем, такие, кажется, носили римские офицеры – центурионы, и метровых силиконовым фалоиммитатором, покрытым венами, избивал, точнее, забивал какого-то уже бездыханного голого мужика. Справа от него двое легионеров в шлемах без гребней и более простых доспехах – кольчужных рубашках истязали другого обнаженного бедолагу: один заломил ему за спиной руки, другой заталкивал в глотку толстый силиконовый член. Подобный картины можно было наблюдать по всему двору. Но почему-то больше всего меня шокировала сцена возле второго парадного – там один легионер вытер свой еще эрегированный член тряпкой, расправил кольчужную рубаху и толкнул ногой в задницу свою жертву, которая от удара приложилась лицом об асфальт. Слева в одной куче лежали голые мужики – кто без сознания, кто еле слышно стонал. У всех из задниц торчали силиконовые члены. Больше я не успел ничего увидеть, потому что глаза мои автоматически сомкнулись. Затем я услышал звук клаксона автомобиля и знакомый голос: – Вадатурский, я здесь. Я открыл глаза и за громилой в латах увидел черный *mercedes* премиум-класса с синей мигалкой на крыше. Из заднего окна автомобиля выглядывала золотая маска, как мне показалось, с небольшими прорезями для глаз и без черт лица.

– Чего ждем? – спросил Гаврик, и маска слегка пошевелилась.

Я старался не смотреть на легионеров, а главное их работу, и быстрым шагом пошел к машине. Я попытался обойти громилу-центуриона как можно дальше стороной, но он, заметив меня, преградил путь искусственным фаллосом и сказал басистым голосом бандитского бригадира или средневекового инквизитора: – стоять, грешник.

Я остановился и сглотнул.

– Служивый, это наш человек, – крикнул Степан, после чего машина проревела спецсигналом.

Центурион посмотрел в сторону автомобиля, и медленно убрал член. После того как я прошел, он опять принялся бить свою жертву. Обойдя автомобиль, я сел возле Гаврика. В этот раз он не был в своем дурацком спортивном костюме. На нем был широкополый красный плащ с золотым подбоем и капюшоном, закрывающим верхнюю часть головы. Новая маска была без рукояти и, видимо, как-то крепилась на затылке. Она действительно была без черт лица с миндалевидными разрезами для глаз. Гаврик посмотрел на меня очень внимательно – как лейтенант спецслужбы на только что завербованного молодого учителя истории, и с умным видом, но явно с претензией на шутку сказал: – Район у тебя, конечно, не ахти. Грязь, вонь, гопота. После чего рассмеялся.

Я все еще не мог прийти в себя и путался в мыслях.

– Кто это были? – само собой вырвалось из меня, когда машина тронулась.

– Ты о тех, кто с мечом или на щите? – расхохотался Гаврик, – Орлы – это бойцы XI легиона, который когда-то растворился в южных широтах самой северной империи... Не парься, Глеб, у них своя работа, у нас – своя. Поехали.

По пути в ресторан мы больше не говорили. Я периодически пытался смотреть в окно, но мир по ту сторону автомобиля не способствовал созерцанию – дождь поливал серые панельные дома, машины в пробках коптили воздух, вдоль набережной манипула легионеров с красными щитами вела куда-то каких-то женщин, как мне показалось, в металлических рубахах и с зашитыми ртами. Поэтому большую часть пути я сидел, уткнувшись в пол, и думал о том, зачем я понадобился Уильяму Виндзору. Другие вопросы в тот момент мне казались неважными. Мы остановились возле ресторана «Желтое море» на Шота Руставели. Выйдя из машины, только теперь я заметил, что на улице было довольно темно, как во время сумерек, и невероятно холодно. Меня сильно знобило, аж сводило зубы. Я осмотрелся по сторонам. Справа в нескольких метрах от нас вокруг костра сидели шестеро легионеров, кажется, на щитах, и что-то тихо обсуждали. Перед рестораном стояли несколько очень дорогих машин с синими мигалками на крышах и две колесницы, запряженные четверкой лошадей каждая. Слева – никого не было видно, зато тихо, но отчетливо доносились вызывающие мороз на коже всхлипывания, стоны и хрипы. Обойдя машину, Степан открыл переднюю пассажирскую дверь, взял с сиденья пакет, на котором было написано «Ни Прадом единым... подпись – Луис Вуитон», шепнул что-то водителю, за всю дорогу я так и не посмотрел на него, опасаясь увидеть очередного неприятного субъекта, и подошел ко мне.

– Это твоя униформа, – сказал он, протягивая пакет.

Презент оказался довольно тяжелым, словно там были гантели, а не одежда. Хотя если предположить, что там были латы, тяжесть объяснялась. От этой мысли мне стало не по себе. Я на секунду представил себя легионером, избивающим огромным членом какого-то человека, от чего меня стало тошнить. Когда мы подходили к входу в ресторан, нам на встречу вышел тучный швейцар в японском или псевдояпонском бело-желтом кимоно и с чрезмерно низким поклоном придержал дверь в открытом положении. Гаврик протянул ему какую-то банкноту,

если не ошибаюсь 100 долларов. Тот принял ее с выражением неопишуемого счастья, поклонился и сказал: аригато с ярким украинским «гээ». Когда мы зашли, швейцар присел на корточки, достал из кармана зажигалку, поджег банкноту, кинул ее на землю и стал жадно вдыхать продукты горения. Это действие я наблюдал через стеклянную входную дверь ресторана и от удивления открыл рот. Я себе даже представить не мог такого отношения к валюте, учитывая нынешний курс. Внутри ресторана сразу возле двери нас встретила очень красивая молодая девушка-администратор, на которой из одежды были только чулки, которые крепились к тонкой резинке, опоясывающей талию, и туфли с огромными – сантиметров 20 шпильками. Я немного смутился от вида голой девушки. Она же улыбнулась и спросила: вам какой зал – курящий или курящий-курящий?

– Любой, – безразлично ответил Гаврик. Девушка развернулась, и мы пошли следом за ней. Вероятней всего, мы зашли в зал, который считался курящим-курящим. Там был настолько густой дым, что разглядеть что-то перед собой можно было не более чем на расстоянии вытянутой руки. Я шел за Гавриком, точнее за чернотой его спины, и наткнулся на какой-то стол. Послушался звон стекла, после чего проникновенный тяжелый мужской голос сказал: Блядь. В следующий момент меня за горло схватила мощная рука, ноги мои оторвались от земли, и я стал подниматься вверх, словно Дэвид Коперфильд, показывающий зрителям трюк левитации. В дыму я разглядел занесшийся надо мной кулак.

– Поставь на место бафометова клерка, – раздался угрожающий голос Гаврика.

– Где атрибуты? – ответил голос из дыма.

– Повторять не буду, – повысил голос Степ.

Человек повинился. Через несколько метров меня снова кто-то схватил за руку. К счастью, в этот раз это был Гаврик.

– Садись, пришли уже? – сказал он.

Я нашупал довольно низкий стул и сел. Гаврик откинул капюшон, снял свою маску и положил ее на край стола. Она действительно крепилась к затылку широким кожаным ремнем. Затем он чем-то зашуршал, чиркнул зажигалкой, затаился и выпустил струйку дыма, которая разрешила плавно перемещающиеся по помещению серо-молочные массы белым шлейфом и растворилась вблизи моего лица. Я прощупал свои карманы, но сигарет в них не оказалось. От избытка впечатлений я как-то забыл, что бросил курить около восьми месяцев тому. Но что-то в глубине души говорило мне, что в отказе от сигарет теперь нет никакого смысла. И дело было вовсе не в переполненном табачным дымом помещении.

– Степан, угости сигаретой, – попросил я.

Из дыма вынырнула рука с портсигаром, на котором была изображена голова мопса, и зажигалкой. Я вытянул сигарету, немного покрутил ее в руках, а затем быстро вставил в рот, подкурил и глубоко затаился. В голове приятно закружилось. Как давно мне хотелось это сделать, но желание быть здоровым и счастливым, как в социальной рекламе на развороте журнала Men's Health, где красивый парень с белоснежными зубами, обнимая ожившую куклу барби, радостно отвечает уродливому, сутулому, неопрятному и явно неуспешному молодому человеку: «не курю», останавливало меня.

– Если бы еще и пару рюмок дернуть, может, и жизнь бы наладилась, – подумал я, вспомнив старый анекдот.

К нашему столику кто-то подошел. Я с трудом разглядел девушку с книжками меню. Одну она протянула мне, другую Степану.

– Девушка, не отходите, мы сразу закажем, – сказал Гаврик, после чего обратился ко мне – доверься мне, я сделаю правильный заказ.

Быстро отыскав страницу с ролами, Гаврик стал выбирать блюда: нам, значит, два черных дракона, два зеленых дракона, два красных дракона, два желтых дракона, и... ты десерт будешь? – поинтересовался он у меня. Я угукнул в ответ.

– И два тирамису. Все, – закончил он, громко захлопнув меню.

Только тогда я заметил, что обложку книжки, которая была сделана то ли из кожи, то ли из качественного дерматина, украшало тиснение в виде головы козла, явно срисованное с Уильяма Виндзора.

– Почему меню украшает эта картинка? – спросил я у Гаврика.

– У этого ресторана, как, впрочем, и у многих других, подписано соглашение о партнерстве с чешским пивзаводом «Великопузовицкий козел». Они им пиво поставляют по бросовой цене, а они их бренд продвигают, – ответил он.

Я ухмыльнулся. Девушка забрала у нас книжки, и удалилась. Гаврик придвинулся ко мне, затаился и пустил очередную струйку дыма: – Ну, давай, не тяни кота за хвост, спрашивай, что тебя интересует.

– Только познакомились, и сразу под юбку, – подумал я, – ну что ж, без предварительных ласк, так без ласк.

Я крепко затаился и спросил: – где я?

– В ресторане «Желтое море», – ответил он, ехидно сощурился и искривил рот в улыбке.

– Это не Киев, точнее не тот Киев, который я знал, – продолжил я.

– Да, брат, Киев изменился. С одной стороны – в худшую сторону, с другой – в лучшую. Последний вариант выберут люди с галицким акцентом, – улыбка на лице Гаврика расплзлась еще шире, – а что ты хотел – революционные перемены приводят к изменению всех сфер жизнедеятельности.

– Все это похоже на какой-то дурной сон, который почему-то не заканчивается, – продолжил я.

В этот момент к нашему столу кто-то подошел, отодвинул стул и присел.

– Такова теперь твоя реальность. Можно сказать, что раньше ты жил в матрице, а теперь увидел жизнь, или наоборот, – сказал приятный женский голос.

Я попытался рассмотреть лицо хозяйки голоса, но она сидела на таком расстоянии, что густой дым позволял лишь тайком уловить невзрачные контуры человека.

– Чтобы максимально упростить наше общение и дальнейшую работу, буду пытаться объяснять тебе все происходящее обычными словами, точнее метафорами и аллегориями. Это поможет тебе хоть немного уловить общий смысл, – продолжила девушка, – Мы называем все это Кузней. Только прошу тебя, не надо искать в этом слове намек, или даже прямые отсылки на мифы, легенды, сказания и прочую древнюю и эзотерическую ерунду. Добротная средневековая Кузня, особенно в картинах Босха – с жуткими инструментами, печью, жаром, звоном металла, может создать определенные аллюзии на это место, но это равноценно тому, что заявить, будто все украинские политико-экономические журналисты являются геями. Конечно, определенные точки соприкосновения между этими сообществами найти можно, в этот момент Гаврик кашлянул, и среди работников медиа немало гомосексуалистов, но все же их внутренние стержни, в принципе, сравнивать некорректно, поскольку они преследуют различные цели. Одни толкают говно в партнера, другие – в мозги читателя, что куда отвратительнее.

– Знакомься, Вадатурский, это твоя новая коллега по цеху, глава управления анализа трендов Ольга Штерн, – сказал Степан.

Из дыма в моем направлении вынырнула женская рука с большим золотым кольцом в виде козлиной головы с горящими красными рубинами глазами. Я вначале растерялся, не знал, как поступить: поцеловать руку или пожать. Решил все же пожать.

– Очень приятно, – сказала Ольга, и ее рука исчезла в дыму.

– Так вот, – продолжила она, – корректнее всего сравнивать Кузню с крупным мегаполисом или вертикально-интегрированным промышленным холдингом, скажем, металлургической, энергетической или автомобильной корпорацией. Здесь есть свои площадки, интеллектуальный центр, маркетинговый отдел, служба охраны, прочие структуры и сопутствующая социальная инфраструктура.

– Правда, без профсоюзов, – хихикнул Гаврик.

В этот момент к нашему столику подошла официантка с подносом и стала выкладывать на стол наш заказ. Вначале девушка положила передо мной и Гавриком свернутое в цилиндр теплое полотенце на бамбуковой подставке. Степан сразу же взял его и принялся вытирать руки. Я поступил аналогично. Затем на столе проявились блюда. На белых фарфоровых тарелках лежали фигурки оригами – драконы, которые были сделаны из основных мировых валют. Черные драконы были сделаны из долларов и иен, зеленые – из франков и евро, красные – из юаней, зеленые из фунтов, долларов и иен, желтые – просто из евро. Хотя я бы назвал их скорее оранжевыми. Вместо аппетита эти блюда вызвали у меня озадаченность. Затем девушка положила передо мной чугунную сковородку без ручки и небольшую горелку, которая работала на каком-то жидком топливе.

– Ольга, поделиться с тобой, мы что-то много набрали, – сказал Гаврик.

– Не откажусь, – ответила она, и Степан попросил официантку принести еще один комплект приборов, то есть сковороду и горелку.

– И как с этим обходиться? – поинтересовался я.

– Просто, бери да жуй, – пошутил в очередной раз Гаврик.

– Какое-то время ты будешь проходить адаптацию, точнее акклиматизацию на Кузне, но вскоре этот ритуал станет для тебя естественной и обычной практикой. Более того, без него ты едва протянешь здесь и день – станешь замерзать, теряться в мыслях – пока окончательно не потеряешь себя и растворись в глубинах этого мегаполиса, – сказала Ольга.

– Того гляди, и легионерыогреют по спине фаллосом, не узнав бафометова клерка – захихикал Степан.

После этих слов я заметил, что уже настолько замерз, что от холода меня трясет.

– Я тебе покажу, что нужно делать, – продолжила Ольга.

Она подтянула к себе тарелку с красным драконом, поднесла к его голове горящую лампу и в секунду фигурка загорелась ярким пламенем. От резкой вспышки света на какое-то время стало видно ее лицо. Большие красивые глаза, длинные непонятного из-за густого дыма цвета волосы, пухлая нижняя губа, небольшой тонкой нос, совсем едва вздернутый вверх, тонкий длинный шрам на половину левой щеки. Она поднесла к фигурке руки, наклонила голову и сделала короткий вдох, подобно тому, как героиня Умы Турман в фильме «Криминальное чтиво» втягивала в себя белый порошок через свернутую купюру. Мне даже показалось, что от дракона оторвался огонь и перелетел в нее. В следующий момент за нашим столом снова стало сумеречно.

– Попробуй, – сказала она.

Я поджег своего дракона. Бумага вспыхнула, и оригами стало быстро превращаться в пепел, попутно создавая тянущиеся вверх струйки дыма.

– Вдыхай, – призывала Ольга.

Я сделал небольшой вдох, который в секунду согрел меня. Затем еще один – более глубокий, после чего мне стало совсем тепло и хорошо.

– А теперь сосредоточимся на важном, – продолжила Ольга, – у Кузни по всему миру очень много филиалов, мы находимся в одном из них, в каждом из которых управляет свое отделение корпорации «АйДи». Это от английского ID. Если сказать совсем просто: ID – это цифровой отпечаток конкретного пользователя, идентификатор, цифровое ДНК человека. В этом заложена философия бренда – нам важен каждый пользователь или человек. Вернее, клиентом нашей корпорации должен стать абсолютно каждый человек. Перед тем как объяснить тебя, чем занимается наша компания, нужно рассказать о конкурирующей фирме, которую мы называем Генсвет – полное название ЗАО «Генератор Света». Сегодня мы занимаем домини-

рующее положение на рынке, но так было не всегда – и наш главный конкурент, вышеупомянутое ЗАО, хоть и сдает позиции, но все еще может нанести нам существенные потери, не дать нам достичь целевых показателей по итогам отчетного периода.

После небольшой паузы она продолжила, – Глеб, ты знаешь, что такое частица Бога?

– Читал, что так ученые называют элементарную частицу, существование которой открыли при помощи Большого адронного коллайдера. Бозон Хиггса, кажется. Это что-то из дребей квантовой механики и тайн существования вселенной.

– То, о чем ты говоришь, не более чем специфическая шутка, которую могут понять только физики-теоретики, – сказала Ольга, – Мы же говорим о вещах серьезных и даже эзотерических. Вопрос этот сложный и необъяснимый. Все обстоит не так, как я скажу, но для выполнения должностных обязанностей сказанного будет достаточно. Итак, частица Бога – это внутренний источник света в каждом думающем существе. Этот источник света автоматически направлен на создателя и служит источником его существования. То есть, пока свет на него направлен, он существует, и наоборот, пока он существует, в думающем существе горит частица Бога. Пока понятно?

– Не совсем, – ответил я.

– Представь, что ты обычный металлический фонарик, который светит, скажем, в стену, – продолжила Ольга, – фонарик может светить в любую сторону, но он направляет луч именно в сторону стены.

– Почему? – поинтересовался я.

– Скажем так, такую программу в него заложил производитель. Если выключить фонарик, потухнет свет и стена погрузится во мрак, то есть ее не станет.

– Почему ее не станет. Она просто станет неосвещенная. Если включить фонарик, мы же снова ее увидим, – парировал я.

– Все верно. Но если мы направим луч света в другую сторону? – спросила Ольга.

– Мы осветим что-то другое, например, стол, тумбочку, другую стену, – ответил я.

– Точно. А что будет с первой стеной? – продолжила она.

– Она останется во мраке, – ответил я.

– Хорошо, а откуда ты знаешь, что она останется во мраке? – вела меня Ольга.

– Потому что я помню, что светил на нее. Кроме того, ее существование можно доказать, направив туда луч света? – сказал я.

– Ну, память не самая надежная штука. А касательно – направить туда свет. Наша работа как раз заключается в том, чтобы свет туда больше не попадал, – пояснила Ольга.

– Но от того, что мы перестанем светить на стену, законы физики же не поменяются, она же не исчезнет, – не унимался я.

– Откуда ты это знаешь? – спросила она.

Я хотел было сказать, что это легко проверить, направив туда луч света, но осекся, вспомнив предыдущий ответ. Получалось, что без луча света стена канет в небытие, перестанет существовать. При этом при наведении на нее фонарика, она возникала опять.

– Хорошо, – продолжил рассуждать я, – пока свет направлен на стену, она существует. Направить луч в другую сторону, она исчезает. Но перед этим ты утверждала, что пока свет направлен на создателя, он существует, и наоборот, пока он существует, в думающем существе горит частица Бога. Получается, что, когда мы поворачиваем фонарик в другую сторону, значит в нем исчезает частица Бога.

– Смышленный мальчик, – отозвался Гаврик, который во время моего разговора с Ольгой, успешно сжигал своих драконов.

– Все верно – подтвердила Ольга.

– Что же остается в фонарике без частицы Бога? – поинтересовался я.

– Это и есть самый главный вопрос, – хихикнул Гаврик.

Эту фразу он сказал чуть медленнее, чем говорил обычно, делая акцент на каждом слове, от чего мне прочему-то стало не по себе.

– Свято место пусто не бывает, – сказала Ольга, – поэтому, когда фонарик перестает светить на стену, в нем зарождается или возникает другая частица. В этом и заключается наша работа – заменить частицу света в фонарике. И главная наша цель – сделать это в абсолютно всех фонариках.

– Что это за частица? – спросил я.

– По сути это та же частица Бога, но с противоположным значением. Для человека в принципе нет никакой разницы, какая частица в нем горит. Это никак не влияет на его функциональные особенности, – объяснила собеседница.

– В чем тогда смысл? – поинтересовался я.

– Смысл в том, что если в человеке горит частица ЗАО «Генератор света», то растет доходная база этой компании, если горит наша – прибыль получаем мы. Просто бизнес, ничего более, – сказала Ольга.

– Хорошо, – сказал я, – с этим понятно. Как конкретно происходит замена частиц?

Ольга подтянула к себе еще одного бумажного дракона и повторила церемонию, после чего сказала: – за всю историю существования человечества было придумано много способов заменять частицы в людях – извращения, пытки, убийства, изнасилования и так далее, но

реального успеха мы добились только в XX веке – за счет СМИ, рекламы, маркетинга, товарной революции и технического прогресса, но главное – благодаря Интернету и, прежде всего, социальным сетям. Ты никогда не задумывался, что с каждым годом люди все больше смотрят не вдаль, а в голубой экран в своей ладошке или на своем столе. В этом и заключается наша задача, чтобы глаза потребителей все меньше отрывались от этих мониторчиков.

Для меня эти слова не стали неожиданностью или новостью, но отчего-то волосы у меня на голове приподнялись.

– На этом пока все, – продолжила Ольга, – конкретные задачи тебе объяснит начальник департамент антиконтента Владимир Семенович.

Я хотел было спросить, что со мной будет, если я откажусь работать на корпорацию «АйДи», но подумал, что утренняя картина была показана мне неспроста.

– Посмотрим, что за работа, – сказал я себе, – проблемы надо решать по мере их поступления.

К столу вновь подошла официантка, которая, положив передо мной очередные origami из банкнот, произнесла: – ваше тирамису.

Но вдыхать просаленные иностранные купюры мне больше не хотелось, поэтому я проигнорировал заказ.

– Будем собираться, – сказал Гаврик, и обратился непосредственно ко мне, – пойди пока переоденься, согласно нашему дресс-коду. Все необходимое в пакете.

Официант провела меня в отдельный кабинет, где я достал из пакета свою новую униформу. Спортивный костюм с эмблемой «Динамо» на груди оказался мне впору – сидел как влитой. Правда к советской легкой промышленности он не имел никакого отношения, на этикетке красовался логотип известного французского брэнда. Кроссовки adidas слегка давили, а берет десантника почему-то оказался на пару размеров больше, поэтому смотрелся на мне как медузообразный абажур. Впрочем, этот атрибут был необязателен, и, как выяснилось, клерки его фактически не носили. Масок в пакете оказалось четыре, которые выражали основные человеческие эмоции – радость, печаль, безразличие и злобу. Рукоятки всех масок заканчивались литыми головами разных животных. Эмоция радости или веселья заканчивалась головой мопса, печали – кота, безразличия – барана, злобы – козла. Я взял в руку третий вариант лица и направился к новым коллегам. За столом оставался только Гаврик. Перед уходом он кинул на стол одну небольшую золотую монету и пару долларовых купюр.

Бард

Машина привезла нас к офисному центру «Парус» – гигантскому небоскребу, построенному в центре города совсем недавно.

– Подожди пока здесь, – сказал Гаврик, – схожу за твоим пропуском.

Из машины я пока решил не выходить. За окном лил дождь, повсюду сновали люди в спортивных костюмах и масках на лицах, иногда пробегали обнаженные девушки. Перед глав-

ным входом в здание стояли мужчины в строгих костюмах, лица которых не скрывали маски, от чего у меня на мгновение создалось впечатление нормальности происходящего: будто это обычный офисный центр с обычными людьми и обычными порядками. Но возле автомобиля прошел очередной клерк в злобной маске, и ощущение нормальности в секунду испарилось. С правой стороны от входа я увидел большой стенд, сверху которого красовалась надпись: «Гордость корпорации «АйДи»». На самом стенде были напечатаны фотографии каких-то людей, но рассмотреть их с такого расстояния было сложно, поэтому я решил все же выйти в мир, предварительно приставив к лицу маску с гримасой безразличия. Мужчины на стенде были одеты во все те же спортивные костюмы, правда, лица их не скрывались под масками, а девушки были в каких-то платьях, напоминающих школьную форму времен Советского Союза, кроме того – в их волосы были вплетены белые банты. Мысленно я произнес – дресс-код. Под портретами размещались их имена и фамилии, должности и структуры, к которым они относились. Особенно мне понравились названия – Отдел TikTok Управления социальных сетей, а также Отдел зоофилии Управления нетрадиционной порнографии Департамента плотских утех и извращений. Я вглядывался в лица ударников айдишного труда, и, вдруг, наткнулся на знакомую физиономию. Это был парень около 30 лет с еврейскими чертами лица – выпученными глазами, черными кучерявыми волосами, пухлыми губами и носом с небольшой горбинкой. Но самой выразительной его чертой был лоб – низкий и скошенный, как у первобытных людей из школьного учебника по биологии. Под фотографией была подпись – Игорь Гошовский – начальник отдела пятых колонн Управления внутреннего врага.

– Где же я с ним пересекался? – стал вспоминать я.

– Мальчик понравился? – раздался женский голос у меня за спиной, и я резко обернулся.

Передо мной стояла девушка в школьной коричневой форме, белом фартуке, а ее голову украшали белые банты. Все как на плакате. Но вот нижняя часть ее гардероба не имела никакого отношения к детской невинности. На девушке были чулки с черными стрелками по центру ноги и в тон лакированные темные туфли на каблуках сантиметром 15, а то и все 20. Ее лицо закрывала маска с улыбающимся лицом. Во всем ее виде был настолько сильный и явный сексуальный подтекст, что я даже сглотнул, как одинокий самец, давным-давно изголодавшийся по самке, что, впрочем, было правдой.

– Простите, что вы сказали? – спросил я, хотя прекрасно слышал ее вопрос.

Вид девушки произвел на меня сильное впечатление, и она эта поняла.

– Я спрашиваю, мальчик понравился? Вон тот – Игорь Гошовский. Могу познакомить, – скала она, свободной рукой показывая на фотографию, которую я рассматривал.

– Мальчики меня интересуют разве что в качестве партнеров по потреблению горячительных напитков, – попытался пошутить я, но получилось это явно примитивно и даже вульгарно. Я мысленно пнул себя коленом под зад и продолжил: – просто лицо его мне откуда-то знакомо.

– Я даже знаю – откуда, – сказала девушка, и коротко рассмеялась.

Я внимательно всматривался в ее глаза, которые были хорошо видны в прорези маски. Они были очень большие, удивительного бирюзово-голубого цвета.

– Откуда? – спросил я.

– Это один из наших самых успешных экспертов националистического толка. На его страницы в социальных сетях подписаны несколько десятков тысяч человек, что для данного сегмента очень высокий показатель, – ответила она, – увы, пока на большие показатели нацпатриоты выйти не могут.

И тут меня осенило: – Точно. Гошовский. Fistingbook – в сокращенном варианте Fbook. Это же тот имбецил, который размазывает на просторах сети идеи восстановления Речи Посполитой, жидо-москальских заговоров против Украины и отстаивания идей национального превосходства титульной нации над представителями национальных меньшинств нашей страны – в первую очередь москалей и жидов. И еще немало постов он уделял продвинутости бывшего польско-австрийского града Лемберга – именно так он писал название Львова, и отсталости во всех отношениях Донецка и его жителей. Хотя, все киевляне, которым пришлось пожить в западных регионах страны больше трех месяцев (туристические поездки абсолютно непрезентативные), прекрасно осведомлены о духовном и интеллектуальном богатстве галычан, которое держится на четырех столпах: показательной набожности, безграничной зависти, безосновательной важности и глубоком невежестве, которые сверху приправлены верой в арийскую уникальность. У меня время от времени чесались пальцы рук написать комментарий под его записями, но, к счастью, я умел вовремя остановиться. Мой школьный преподаватель по зарубежной литературе об этом говорил так: «никогда не вступай в спор на темы, которые касаются истории, языка и абстрактных понятий. Это слишком интимно. А спорить с дураком, значит поставить между тобой и ним знак равенства». Хотя мне ближе слова героя одного фильма про особенности постсоветской реальности на руинах республик свободных, который рекомендовал одному малоприятному персонажу фильтровать слова, поскольку его не только идиоты слушают, но еще и толковые люди.

– Почему к Владимиру Семеновичу не идешь? – поинтересовалась моя собеседница.

И тут я понял, что передо мной стоит Ольга Штерн, которая провела для меня вступительный ликбез Кузни и корпорации «АйДи» в ресторане «Желтое море». Почему-то в табачном смоге я не предал должного значения ее внешности, хотя с учетом обстоятельств всего происходящего это неудивительно. Ее физиологические данные были выше всяких похвал. И мне чертовски захотелось еще раз увидеть ее лицо, внимательно рассмотреть все ее черты, вплоть до самого маленького изгиба. Она почувствовала это и как бы невзначай неспешно сменила улыбающуюся маску на накладку с видом безразличия. Я мельком уловил невероятно красивые глаза, пухлые, особенно нижняя, губы, тонкий едва вздернутый нос, рыжие с гранатовым оттенком распущенные волосы, и шрам на левой щеке, который только подчеркивал и усиливал ее привлекательность. При этом красота была ее такой, по крайней мере, мне так хотелось думать, что распознать ее могу только я один. На улицах иногда можно встретить пары, которые визуалью очень похожи друг на друга, можно даже подумать, что это идет брат и сестра. Но когда вдруг пара останавливается и сливается в долгом поцелуе, ты понимаешь, что это не кровные родственники. Это просто две половинки единого целого, которым посчастливилось в жизни найти друг друга. Именно такой, как мне казалась, была Ольга. Я был уверен, что ее лицо сильно напоминало мое. Моя нижняя губа была пухлее верхней, примерно такой же овал лица, у меня также был шрам, который я получил во время уличной драки, правда, на подбородке. Конечно, в частности наши черты отличались, но, в общем, мы были осколками одного камня, в которых читался единый замысел творца – просто я был выполнен в более грубой мужской форме, в ней же было убрано все тяжелое и звериное. Не знаю, поему

я стал думать об этом. Возможно, я придумал нашу схожесть, поддавшись женским чарам, но, черт возьми, это было так. Я знал это на каком-то непостижимом уровне, который, вдруг, открылся моему пониманию и показал сокрытую в глубине истину.

– Что завис? – спросила Ольга, прервав мои размышления.

– Жду, когда Степан принесет удостоверение, – не сразу вспомнив предмет нашего диалога, ответил я.

– Ну, тогда удачи на встрече, – сказала она, и уверенно зашагала в сторону небоскреба.

Я смотрел ей в сторону, и по-прежнему поражался ее красоте, грации, стройности тела и длине ног.

– Не твоего уровня дама, – раздался голос Гаврика, – хотя, конечно, смотреть никто не запрещает.

Ухмылка на его лице вызвала у меня чувство отвращения.

– Вот твой пропуск, – сказал он, протягивая мне небольшую кожаную книжечку, похожую на удостоверение сотрудника правоохранительных органов.

Обложку книжечки украшала тисненая голова козла в позолоте, которая была похожа или даже такая же как на обложке меню ресторана, в котором сегодня мы жгли драконов. Естественно, меня это не удивило.

– Корпорация «АйДи» также заключила контракт с «Великожоповицким козлом»? – съязвил я.

– А что поделать, продукт продвигается абсолютно во всех сегментах, – захихикал Гаврик.

Мне захотелось дать ему в нос.

Раскрыв удостоверение, я увидел фотографию человека в маске с унылым выражением лица. В документе было указано мое имя и фамилия, структурное подразделение корпорации – департамент антиконтента, а также красовалась печать все с тем же талисманом пивного бренда.

– Такие же фотографии в удостоверения у всех клерков Бафомета? – спросил я.

Гаврик кивнул головой и добавил: – это символизируется общность и единство компании. Все мы служим одному делу и одному боссу, а значит, все мы одинаковы. Пошли, представлю тебя начальству. Работы невпроворот.

Пройдя центральный портал «Паруса», мы подошли к турникетам. Гаврик показал мне, как пользоваться пропуском. Было достаточно приложить удостоверение к специальной выемке на турникете и металлические планки пропускали тебя внутрь – к площадке с лифтами. Зайдя в свободную кабинку лифта, я оказался возле кнопок с указанием этажей. Я спросил у

Степана, на какой этаж ехать, но тут завис: все кнопки лифта, точнее, почти все, были с номером 13. Но, присмотревшись, я понял, как работники корпорации попадали на нужный этаж. За цифрой этажа в скобках были написаны латинские буквы, располагавшиеся в алфавитном порядке. Чтобы попасть на 2-ой этаж нужно нажать кнопку 13 (В), чтобы на 20 этаж кнопку 13 (Т). Но в здании всего было 34 этажа, а в латинском алфавите всего 26 букв. Проблема эта была решена так: последние восемь этажей обозначались цифрой 666, а в скобках, по аналогии с 13-ми этажами, были написаны латинские буквы в алфавитном порядке – от А до Н. Если надо было ехать на 33 этаж, нужно нажать кнопку 666 (F). Ну и так далее.

– Чего ждем, поехали, – нетерпеливо сказал Гаврик, пока я вникал в особенности управления лифтом.

– Какой этаж? – спросил я.

– Я уже говорил. Тринадцатый, – сказал он и ехидно захихикал, затем все же добавил – буква G.

Я нажал кнопку, и лифт понесся вверх. Мы остановились на нужном этаже, раздался звук, напоминающий звон сувенирного тибетского колокольчика – подобные сегодня продаются почти в любой барахольной лавке, и двери раскрылись. Выйдя в коридор, я увидел нечто подобное инсталляции в галерее современного искусства. В центре помещения перед лифтами стоял кабриолет BMW Z4 Roadster, за рулем которого сидел нереально толстый православный священник – это было понятно по кресту на его шее. Предположительно, фигура была сделана из воска. На пассажирском кресле развалился Рональдо Макдолини – главный символ виновного в тотальном ожирении населения бренда. На его груди был нанесен логотип в виде горящей пламенем литеры М. Клоун сидел не прямо, а немного развернувшись к батюшке. В зубах священника была зажата сигарета, левая рука попа лежала на руле, правая – на коленке Рональдо. Лицо Макдолини расплывалось в улыбке, наверное, он был рад такому вниманию со стороны священника. Хотя, скорее он радовался не этому – правая рука Рональдо уходила под ряску батюшке – прямо к причинному месту. Я сразу догадался, клоун крепко держал пастыря за яйца. На пассажирской двери кабриолета была сделана надпись: Гамбургеры, не освященные православной церковью, являются не богоугодными. На капоте был нарисован большой логотип фастфуда, который больше напоминал рога, чем букву М. При этом левый холмик буквы украшал православный крест. Под логотипом были сделаны две надписи. Первая: Иисус любит это. Вторая чуть пониже и мелким шрифтом: все рестораны Макдолини в странах СНГ освящены православной церковью. Вход в офис представлял собой портал, сделанный из какого-то породистого дерева, может даже дуба, с большой и явно тяжелой дверью. Над входом была искусно вырезана надпись: Департамент Антиконтента. Под ней размещался слоган – Гвардия вроде как умирает, но все же продается... Sale. Гаврик приложил свое удостоверение к небольшой металлической коробочке возле двери, раздался щелчок замка, и врата раскрылись. Мы зашли внутрь. Сразу за дверью находился стол, напоминающий дот времен последней мировой войны, за которым сидела девушка во все той же школьной форме и бантах, но маски на ее лице не было.

– Здравствуйте, – сказала она, улыбаясь.

– Владимир Семенович на месте? – спросил Степан.

– Да, он ждет вас, проходите, – ответила девушка.

Гаврик повернул направо и пошел по коридору. Я следовал за ним. Мы прошли большую комнату, в которой за полутораметровыми перегородками сидело, по меньшей мере, двадцать клерков, и уткнулись в дверь с надписью Глава Департамента Антиконтента и две заглавные буквы – ВВ. Степан постучал по двери, но, не дожидаясь приглашения, нажал на ручку. Мы зашли внутрь. За огромным столом никого не было, но внезапно из-за офисного шкафа выскочил человек. От неожиданности меня передернуло. Выглядел он довольно необычно. Хотя, повторюсь, употреблять подобные слова в контексте происходящего не совсем корректно. Наверное, для корпорации «АйДи» он выглядел обыденно. Человек был голый, если не считать фиговый листок, который скрывал его гениталии. На лице его была маска, но не такая, какую носили обычные клерки, а с чертами лица конкретного человека, я сразу не понял какого. При этом маска его была без держателя, а крепилась на голове специальными защелками, а не ремнем, как маска без черт лица Степана Гаврика. В руках мужчина держал гитару. Сразу после прыжка, он стал играть и петь довольно знакомым грубым, низким и хриплым голосом:

– Дамы, господа, – других не вижу здесь,
Блеск, изыск и общество прелестны!
Сотвори, Господь, хоть пятьдесят Одесс, –
Все равно в Одессе будет тесно.
Говорят, что здесь бывала
Королева из Непала
И какой-то крупный лорд из Эдинбурга,
И отсюда много ближе
До Берлина и Парижа,
Чем из даже самого Санкт-Петербурга.

Исполняя эту песню, человек выделял удивительные движения ногами и телом, отдаленно напоминающие украинский гопак, но без приседаний. Затем он резко остановился, и положил гитару на стоящую у стенки подставку.

– Здорова, Степка, – поприветствовал он Гаврика, и обратился ко мне, – а ты, как я понимаю, Глеб Вадатрусский. Рад приветствовать.

Он протянул мне руку, и после ответного действия крепко сжал ее. И в этот момент я распознал в его маске черты известного советского исполнителя и актера Владимира Высоцкого.

– Так сказать, усиливаем ваш департамент крепким кадром, – сказал Гаврик.

– Ну да, ну да, кадры решают почти все, – сказал он с энтузиазмом, – о товарище Вадатурском мы наслышаны.

– Тогда ретируюсь, дел невпроворот, – сказал Гаврик, и усмехнувшись вышел за дверь.

Владимир Семенович, проводил его взглядом, после чего сел за большое кожаное кресло в центре стола, и жестом пригласил меня присаживаться напротив него.

– Курить будешь? – поинтересовался Владимир Семенович.

Я кивнул. Владимир Семенович достал из лежащего на столе портсигара сигарету с золотым фильтром и черной бумагой, засунул ее в ротовое отверстие маски, подкурил и кинул футляр с зажигалкой мне. На портсигаре в виде золотого тиснения был выполнен какой-то рисунок. Вначале я подумал, что это уже знакомый чешский козел, но оказался неправ. На лицевой части портсигара были выгравированы равноплечные весы, наподобие тех, которые встречаются на изображениях богини Фемиды. Над левой чашей весов был изображен жук-скарабей, над правой – шар, на котором просматривались контуры Евразии, Африки и двух Америк. Я закурил.

– Ну что, Глеб, – начал он, – все, что я тебе сейчас расскажу – с одной стороны довольно сложно и непонятно, с другой – просто и доступно. Я постараюсь донести до тебя информацию так, что ты легко уловил суть. Детали и нюансы ты поймешь со временем самостоятельно.

– Подобное начало разговора я уже слышал, – вспомнил я.

– Тебе знакома квинтэссенция, точнее формула, на которой держится человеческое восприятие себя в этом мире и наоборот? – продолжил он.

Я отрицательно покачал головой.

– Вначале было слово, и слово было у Бога, и слово было Бог. У нас, вообще-то, не принято употреблять это слово, но сегодня я сделаю для тебя исключение, – сказал Владимир Семенович.

– Это первая строка из Нового Завета, – сказал я.

– Так вот, – продолжил глава департамента антиконтента, – это высказывание, не будем углубляться в то, что изначально поняли его неправильно, неправильно записали, а потом и неправильно перевели, сводится к тому, что главенствующую роль в этой смысловой конструкции занимает не Бог, а слово. Во-первых, слово упоминается три раза, а Бог – два. Во-вторых, сам текст не скрывает главенства слова: вначале было слово – не Бог. Но самое важно, что Бог осознал кто он, только тогда, когда услышал слово, точнее осознал его. До этого Бога не было. Точнее он был, но не осознавал себя, но бытие без осознания равноценно небытию. Понятно?

– Примерно, – ответил я.

– Схожую историю можно найти и в буддизме. Будда Гаутама был обычным человеком, которого звали Сиддхатха Готама, но в один прекрасный день он сел под деревом и погрузился в длительную медитацию, после которой осознал себя, и весь этот мир, который не мир вовсе, а только его сон. И как только он осознал это, то стал Богом. Мысль понятна? – спросил Владимир Семенович.

– Получается, процесс осознания позволяет человеку стать Богом?

– Верно, – согласился Владимир Семенович, – в данном контексте – слово, мир, сон, Бог и это – это синонимы, даже не синонимы, а одно слово с небольшими оттенками смыслов.

– У меня есть одно уточнение, – сказал я, – Бог услышал слово и только после этого осознал его и себя.

– Так, – согласился Владимир Семенович.

– А как слово могло появиться неосознанно?

– Попробую объяснить, – сказал он и сделал глубокую затяжку, – Заранее прошу извинить за этот пример, но лучшего пояснения в голову не приходит. Это как непроизвольный пук.

Произнеся это, начальник громко рассмеялся, после чего продолжил: – Ты же не всегда контролируешь процесс выделения газа или воздуха из своих внутренних органов. Что-то похожее произошло и со словом. Так вот, твоя работа будет заключаться в том, чтобы наши клиенты пердели постоянно и непроизвольно – без отвлечения на процесс осознания.

Владимир Семенович открыл один из ящиков своего стола, достал оттуда две пластиковые папки – черного и красного цветов и кинул мне.

– Насколько я слышал, да и вижу, ты парень неглупый. Что такое антиконтент тебе объяснять не нужно. В этих двух папках ты найдешь примеры антиконтента в видеоформате, а также примеры противодействия этому продукту, – сказал мой новый руководитель, после чего его голос стал жестче и грубее, – а сейчас поговорим об условиях работы. Фирма обеспечивает тебя униформой, удостоверением, всеми привилегиями бафометовых клерков с окладом 13 полновесных золотых, это 130 разменных, и пачкой купюр любой из основных валют мира, но в эквивалентном размере – не более 5 тысяч долларов США. Испытательный срок – 13 дней. По итогу этого срока, если ты оправдаешь оказанное доверие, с тобой лично подпишет контракт Уильям Виндзор. Если нет – та картина, которую ты наблюдал сегодня, выходя из квартиры, покажется легким флиртом. С такими, как ты, на Кузне работает специальная зондеркоманда преторианской манипулы XI легиона. То, что проделывали легионеры с насильниками, педофилами и прочими извращенцами возле твоего дома, гвардейцы проделают с твоими мозгами, только в более извращенной форме. Ибо каждому воздается по его заслугам.

От услышанного я лишь сглотнул.

– Леночка проведет тебя в кабинет. После изучения папок ты получишь свое первое задание. И запомни, Глеб:

– Я не люблю фатального исхода,
От жизни никогда не устаю.
Я не люблю любое время года,
Когда веселых песен не пою.
Я не люблю холодного цинизма,
В восторженность не верю, и еще -
Когда чужой мои читает письма,
Заглядывая мне через плечо.

Мурал

Леночка открыла дверь и пропустила меня в довольно просторный кабинет.

– Глеб, наденьте маску, – предупредила она меня.

Я молниеносно приставил к лицу одно из золотых забрал. В комнате не было окон, стены были выкрашены в черный цвет, на котором периодически мигали красные лампочки, похожие на глаза вампиров. У стенки напротив входной двери стоял стол с большим монитором, клавиатурой и мышкой. На потолке над столом была вмонтирована большая квадратная люстра, которая светила холодным белым светом. Еще два таких же стола были у левой и правой стены, за которыми сидели две фигуры. В центре кабинета располагался большой барабан, как из фильма Ежи Гофмана «Огнем и мечом» у казаков Богдана Хмельницкого, на котором лежали две массивные барабанные палочки и кожаная плеть. Леночка хлопнула в ладошки три раза, и весь пол вспыхнул ярким красноватым светом. В комнате стало светлее и при этом атмосферно эротично.

– Коллеги, знакомьтесь, это наш новый специалист по антиконтенту Глеб.

Ко мне подошел тучный лысый мужчина с густой каштановой бородой. Из-за сильно выпирающего пивного живота спортивная кофта у него задралась выше пупка, оголяя волосатое пузо. Он широко улыбнулся, и протянул мне руку. Чтобы ответить на рукопожатие, мне пришлось зажать между коленей папки, выданные Владимиром Семеновичем для ознакомления с работой, и остальные маски. Со стороны это смотрелось явно очень комично.

– Сергей Георгиевский, руководитель ботофермы антиконтента, – крепко сжав руку, сказал клерк.

– Ага, генерал мониторных миньонов, – сказала высокая худощавая девушка скрипучим прокуренным голосом, которая двигалась ко мне от стола у правой стены.

– А это Аннушка Иванова, – представила коллегу секретарь, – наш поисковик антиконтента, очень осведомленный и подкованный специалист.

Я почему-то подумал о подсолнечном масле.

– Удачного дня, – сказала Леночка, и покинула кабинет, оставив меня вместе с новыми коллегами.

– Здорова, – проскрипела Аннушка, и протянула мне руку, – маску сними, официоз закончен.

У нее были непритязательные черты лица. Угловатое лицо, глубоко посаженные, скорее всего, карие глаза, из-за красного освещения наверняка сказать было нельзя, растрепанные волосы, собранные в небрежный хвост. Она была больше похожа на мальчика-подростка, увлекающегося блэк-металлом, чем на зрелую девушку. При этом не могу сказать, что она была некрасива, просто есть такие типы девушек, которым абсолютно наплевать на свой внешний вид из-за чего женский чары теряют свою силу и энергию. Я опустил золотой шлем и несильно сжал ее холодную худощавую руку.

– Как ты, наверное, уже догадался, твое место напротив входной двери. Все мы работаем в одном кабинете, поскольку выполняем одну работу, но со своими нюансами, – сказала Аннушка.

– Этот как в одном роде войск есть своя разведка, своя авиация и бронетехника, – добавил Георгиевский.

– Я нахожу антиконтент, ты определяешь его уязвимые места и формируешь стратегию противодействия, а Серега, исходя из твоих вводных, натравливает на антиконтент своих ботов, рекламу и прочие наши возможности, – продолжила Аннушка.

Девушка вытащила из кармашка своего белого фартука пачку сигарет, быстро прикурила, и указала рукой на мое рабочее место: – вот здесь ты и будешь создавать свои концепты и стратегии.

Обогнув барабан, я прошел через весь кабинет и сел в довольно дорогое и комфортное кожаное кресло, какое обычно позволяют себе руководители серьезных организаций. Впрочем, в статусе своей новой конторы можно было не сомневаться. Пока подушка кресла плавно сжималась к металлической основе, медленно выпуская воздух под действием моего веса, зажегся монитор. В центре экрана появилось небольшое окошко с надписью пароль. Я было хотел узнать у коллег какой код нужно вбить, но моментально догадался сам. Пароль состоял из семи символов, которые были обозначены пятиугольными перевернутыми звездочками. При нажатии на клавишу звездочка заключалась в круг. Я набрал комбинацию 6661313. Под окошком появилась надпись – Неверный пароль. Я набрал 1313666. Опять мимо. И только третья попытка завершилась успехом – 1366613. На мониторе загрузился рабочий стол, на котором был изображен большой белый козел в зеленой накидке с вышитыми атрибутами королевской власти и армейской символикой – короной, булавой и державой, шевронами, скрещенными орудиями, грифоном, римскими цифрами. Голову животного украшал небольшой металлический щит с вензелями, перьями, еще какими-то деталями и надписями, которые из-за небольшого размера изображения разобрать было сложно. Козел возглавлял колонну легионеров, хотя нет, это были солдаты более поздней эпохи, в красных мундирах и высоких черных меховых шапках. Если я не ошибаюсь, гвардейцы в такой же форме до сих пор охраняют британских монархов. На компьютере были установлены самые обычные программы для создания текстовых, фото- и видеофайлов, несколько мессенджеров и браузеров. Все диски ожидаемо оказались пусты. Я оторвал взгляд от монитора и перевел его на отложенные в сторону бумаги Владимира Семеновича. На красной папке черным маркером была сделана надпись «антиконтент». Внутри оказалось всего три листочка. На первом были напечатаны кадры из фильма Павла Лунгина «Остров» с изображением основных сцен и актеров Петра Мамонова, Дмитрия Дюжева и Виктора Сухорукова. На втором листочке были стопкадры из известной голливудской кинокартины режиссера Дэвида Финчера по одноименному роману Чака Паланика «Бойцовский клуб». На третьем – картинки из популярного в конце нулевых и начале десятых мультипликационного веб-сериала Mr. Freeman. В конце каждой страницы приводились небольшие аннотации, которые сводились к тому, что данные произведения являются мастерски завуалированным продуктом ЗАО «Генератор света», поскольку, используя методы и технологии ООО «АйДи» – хорошую картинку и продакт-плейсмент, вынуждают потребителя осознавать, вместо того, чтобы продолжать процесс потребления. Более того, в определенных моментах отречение от потребления возводилось в Абсолют. Например, в фильме «Бойцовский клуб» – это падение взорванных башен-близнецов, как символа финансового спрута, другими словами денежно-потребительского водоворота, в котором крутится человечество с времен Шумера и Аккада. В «Острове» – это была сцена с отцом Йовом, несущим крест священника Анатолия, как символ отказа от материальных ценностей, прежде всего последней модели смартфона от самой прямолинейной компании мира, которая не стесняется наносить на свои продукты надкушенное Адамом по принуждению Евы змеиного плода. Дело в том, что с заломленными

за спину руками невозможно смотреть в голубой экран, поэтому взор отца Иова в процессе несения креста неизбежно направляется внутрь себя. Mr. Freeman вообще регулярно задается такими вопросами и приходит к таким выводам, после которых вовсе никуда, кроме как в себя, смотреть не хочется. При том, что делает он это через разработанный нашей компанией ресурс, более того – с расширенной монетизацией трафика. С красной папкой было примерно понятно, поэтому я перешел к черной, мысленно пропев: – червоне – то любов, а чорне – то журба. Но тут меня ждало разочарование. Папка оказалась пуста. Я даже взял ее за верхний угол и потряс, как бы показывая свищ всему миру. Тогда я повернулся к Аннушке и Георгиевскому и спросил: – коллеги, Владимир Семенович передал мне пустую папку, хотя здесь должны были находиться материалы по противодействию антиконтенту.

– Все верно, – не поворачиваясь и продолжая печатать на клавиатуре, сказала Аннушка, – ты самостоятельно должен разрабатывать стратегию и предлагать конкретные действия. Для примера могу тебе посоветовать изучить обзоры видеоблогера badcomedianz. Посмотри, как он изучает материал, определяет его слабые стороны, и потом бьет по этим болевым точкам, что в итоге приводит к провалу картины в прокате. Из-за его блогов многие продюсеры рвут волосы у себя на груди, потому что, когда приходят короткостриженные и небритые кредиторы, а ты сам понимаешь, что за контингент дает деньги на подавляющее большинство современных российских кинопроектов, может разорваться что-то другое. Но учти, со стороны тебе может показаться, что он работает на ЗАО «Генератор света». На самом же деле он просто высококвалифицированный специалист корпорации «АйДи», поскольку незаметно переводит фокус потребителя с одного контента, включая и нашего производства, на себя – то есть примерно такой же контент, а потом обратно. Это что-то вроде внутривендинговой конкуренции.

– А кто раньше выполнял мою работу? – спросил я.

– Это было очень давно. Работал целый пул специалистов-экспертов, который возглавлял сам Владимир Владимирович, на тот момент один из заместителей Ваньки Виндзора. Однако после того как он был уличен в том, что подыгрывал ЗАО «Генератор света», говорят даже неосознанно, всю его конторку прикрыли. Впрочем, к тому времени, когда это произошло, уже массово пошел крайне плоский потребитель, который глотает даже самые неприятательные полуфабрикаты департамента антиконтента. Так что все это время вполне хватало меня и Сереги, – ответила Аннушка, – Я нахожу продукцию ЗАО, он заваливает его рекламой нужного контента и разносит в комментариях прикормленной ботофермой. Как не удивительно, но это работает.

– Зачем тогда мои услуги понадобились? – поинтересовался я.

– Не ко мне вопрос, спроси у Владимира Семеновича, – отмахнулась Аннушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.